ДВА КОНЦЕРТА

7 декабря состоялись концерты химиков и юристов. По случайному совпадению дня проведения смотров они представились зрителю, невольно сравнивающему эти два концерта, не столько как показатели уровня художественной самодеятельности на каждом факультете, сколько как некие две тенденции, два направления в проведении и организации смотров, во многом противоположные.

Оба концерта открывались прологами — литературно-музыкальными композициями: «С думой об Ильиче» — химиков и «Товарищ Ленин, мы Вам докладываем» — юристов. Всем известно, что смотры художественной самодеятельности в этом году проходят под девизом подготовки к юбилею В. И. Ле-

нина и при подведении итоговой оценки концерта в особую графу выносится балл за отражение ленинской тематики. Задача была поставлена трудная, если учитывать, что самое легкое ее разрешение — формальное (например, простой набор тематически подходящих текстов). Близки к этому оказались химики.

Интересно, нетривиально задумав композицию (режиссер З. Кулеш), они не совсем выполнили рвой замысел, утеряв логическую связь между отдельными кусками и общую идею композиции (характерно, что само название композиций у химиков не предполагает какой-либо определенной идеи). Композицию удалось связать в одно целое лишь благодаря музыкальному оформлению (Б. А. Облапинский), в которое отлично вписались отрывки из Восьмой («Патетическая») и Двадцать третьей («Аппассионата») сонат Бетховена.

Крайне неуместным выглядело вынесение на сцену ватманских листов с цитатами. По остроумному и верному замечанию одного из членов жюри, появление человека-цитаты, у которого за плакатом не видно головы, при словах «люди — не винтики» служит как раз опровержением, дискредитацией этих глубоко гуманистических слов! Статичность сценического решения композиции, не скрашенная даже удачным световым оформлением, завершила бледное впечатление от пролога химиков.

Трудно было понять оправданность и смысл конферанса на смотре химического факультета. Задник—таблица Менделеева, в которой известные элементы последовательно переименовываются в честь участников концерта или исполненных номеров. По микрофону популярная лекция по школьной не-

органической химии (уровня седьмого класса) и афоризмы типа: «Всем им ртуть — родная мать». На сцене не то танец, не то прелюдия под звучным названием Бром. Единственное, что поняли непосвященные, это то, почему поющие по отдельности Е. Липкина и С. Зеленин называются Водород и Кислород...

Если ведущей тенденцией концерта химиков, начиная с первого номера, оказалось стремление к современному оригинальному построению, оставшееся лишь стремлением, часто надуманным и неоправданным, то у юристов, в концерте, напротив, довлела не то что традиционность, а подчеркнутый традиционализм. От всего их концерта (как по уровню большинства номеров, так, в еще большей степени, по выбору «репертуара» и форме концерта) веяло анахронизмом. Этому представлению способствовало и оформление концерта. Неслучайным показалось и то, что на плакатах, вывешенных над сценой, датировка остановилась где-то на 1958 году. Поэтому и принцип историзма, положенный в основу монтажа (вполне традиционный рапорт комсомолии), оказался в чем-то непоследовательным, незавершенным. Песня «Пусть всегда будет солнце», неожиданно и нелогично завершившая вдруг монтаж, лишь подчеркнула его оборванность и незавершенность во времени.

Слаженность, четкость и хорошее качество чтения юристов, в отличие от химиков, не сделали и их композиции яркой. Ме-

шали бледность текста, бедное музыкальное оформление, чуть ли не одноголосое пение и трафаретное построение.

Поразила у юристов малочисленность участников концерта. Было жалко В. Сапожникова, чтеца с хорошими данными, на котором держался весь монтаж и у которого было еще три номера впереди. Организаторам смотра можно было заранее предполагать возможность срыва хотя бы одного из его номеров, если бы они трезво посмотрели на «нагрузку» В. Сапожникова. Так оно и оказалось: номер «Письмо в 30-й век» был оштрафован (В. Сапожникова подвела память). А на сцене снова и снова появлялись Д. Трегубова, В. Иванов, И. Глебов...

Из всех номеров, представленных юристами, лишь два оказались удачными: пение студентки IV курса М. Тылибцевой, обладающей отличным голосом, которым она хорошо владеет (особенно хорошо был исполнен старинный русский романс «Утро туманное»), и стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся», прочитанное В. Ивановым и И. Глебовым. Слабо обстояло дело у юристов с музыкальными номерами: пение часто было фальшиво и тихо... Зато странное впечатление произвел эстрадный ансамбль (фортепьяно, контрабас, ударник). Он играл предельно громко. К сожалению, немилосердный и немузыкальный грохот тарелок и барабанов был оценен жюри в 10 баллов. Но, к слову, сказать, «громко» и «быстро» в музыке не всегда означает «хорошо».

Каким контрастом в этом отношении предстал перед зрителями концерт химиков, проведенный на высоком музыкальном уровне. Песни в исполнении Е. Липкиной и С. Зеленина, фортепьянные выступления Е. Кузнецовой и М. Фрик, татарская песня, которую спел Замалетдинов, — доказательства тому. Правда, чтение стихов у химиков было неудачным. Совершенно неуместным было чтение есенинской «Песни о собаке».

И все же, несмотря на просчеты, концерт химиков, уложившихся не только в регламент, но в гораздо меньший отрезок времени, выгодно отличался от крнцерта юристов чистотой, четкостью, отсутствием «накладок». Концерт же юристов не только выглядел бедным, но и расплывчатым. Получасовой перерыв перед фильмом нельзя оправдать обрывом титров — это неорганизованность. А фильм явился еще одним подтверждением расплывчатости, определившей особенность концерта юристов в целом.

И. КОНДАКОВ.

Смотр. Хроника. Смотр. Репортаж. Смотр. Рецензия. Смотр. Информация.